

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е.Г. Ваганова

Новосибирский государственный
технический университет

lenavaganova@yahoo.com

Статья посвящена проблемам исследования языковой картины мира. Языковая картина мира как интегральное понятие включает знания как совокупность сведений об окружающем мире, определенное видение и понимание мира, различные способы восприятия действительности.

Ключевые слова: картина мира, мировоззрение, язык, действительность, восприятие.

Проблема исследования картины мира, ее генезиса, формирования является одной из ключевых проблем философии. Картина мира формируется на основе мировоззрения изначально как совокупность сведений об окружающем мире. Существует ряд терминов, синонимичных, но не тождественных данному понятию: мировоззрение, миропонимание, мировосприятие, образ мира. Для того чтобы раскрыть происхождение и содержание понятия «картина мира», обратимся к исходному понятию. Мировоззрение – это явление духовной жизни человека. Мировоззрение как устойчивая система взглядов было присуще человеку на самых ранних ступенях его эволюционного развития. В современном значении термин «мировоззрение» происходит от немецкого слова *weltanschauung* (миросозерцание или созерцание мира), появившегося в немецкой литературе на рубеже XVIII–XIX веков. Понятие *weltanschauung* стало ключевым словом немецкого идеализма и романтиз-

ма (Фихте, Шеллинг, Шлейермахер, Новалис, Гегель, Гёте), а в 1830 году это понятие стало переходить в другие языки. В 1840 году оно занимало ведущее место в словаре образованных немцев, обозначая глобальный всеобъемлющий взгляд на жизнь и окружающий мир¹.

В конце XIX века понятие пробило себе путь в каждое языковое сообщество западного мира. Например, в 1858 году документально зафиксировано использование английского эквивалента *worldview*².

В XIX веке *weltanschauung* употреблялось как синоним слов «метафизика» и «философия». Сейчас данный термин переводится на русский язык понятием «картина мира», которое входит в структуру понятия «мировоззрение».

Мировоззрение – это сложное интегральное образование, в котором прин-

¹ Wolters A. *Weltanschauung in the history of ideas: preliminary notes*. Unpublished paper.

² Wolters A. *The idea of worldview and its relation to philosophy*. – 1983.

ципиально важна связь его компонентов. Структура мировоззрения включает

- знания как совокупность сведений об окружающем мире;
- совокупность взглядов, оценок, принципов;
- определенное видение и понимание мира;
- программу поведения и действий человека;
- совокупность образных представлений о мире, определяющих места в нем человека и его жизненные позиции;
- целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер (картина мира).

Таким образом, **картина мира** формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок мира. Это – многомерный образ мира, образ реальности.

Образ мира в соответствии с концепцией А.Н. Леонтьева – это методологическая установка, предписывающая исследование когнитивных процессов индивида в контексте его субъективной картины **мира**, складывающейся у индивида на протяжении развития познавательной деятельности.

Так, на основе **мировоззрения**, философских взглядов человека формируется картина мира. Картина мира – целостное представление человека о Бытии, о мире, о его строении, законах и закономерностях, действующих в нем, о месте человека в этом мире и в обществе. Если человек представляет мир неизменным в своих основных характеристиках, то его картина мира статична, в противном случае – постоянно формируется динамичная картина мира.

Параллельно с разработкой понятия картины мира в рамках философии нау-

ки картина мира изучалась в культурологических и лингвосомиологических работах. Специфика языковой концептуализации (восприятия и организации) мира нагляднее всего представлена в особенностях языкового членения действительности. Данный факт можно объяснить этнонациональными различиями когнитивных мировосприятий. Языки различаются способом выделения значений, а также способом восприятия и осмысления мира.

Эта идея в различных ипостасях и версиях развивалась в различных областях научного знания, таких как философия, лингвистика, культурология, но считается, что восходит она к учению В. Гумбольдта о «внутренней форме» языка.

О.А. Донских, изучая проблемы описания лингвистических концепций, пришел к выводу, что большинство положений, принимаемых В. Гумбольдтом, было выдвинуто его предшественниками. Например, тезис об обратном влиянии языка на образ мышления народа, говорящего на данном языке, в немецкой традиции обосновал И.-Д. Михаэлис. В исследованиях О.А. Донских представлена работа И.-Д. Михаэлиса 1760 года «Ответ на вопрос о влиянии мнений на язык и языка на мнения». И.-Д. Михаэлис (1717–1794) – первым употребил термин «языковая картина мира», в своих трудах он развивает тезис об обратном влиянии языка на образ мышления народа. Т. Гердер продолжает идеи И.-Д. Михаэлиса: «У нас разум – только благодаря языку, и язык – только благодаря традиции, вере в слово отцов». Затем идеи о картине мира как определенном способе концептуализации действительности продолжает развивать В. Гумбольдт. Таким образом, языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании

данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире³.

В. Гумбольдт подтверждает, что различные языки являются различными мировидениями и специфику каждого конкретного языка обуславливает «языковое сознание народа», на нем говорящего. В соответствии с концепцией В. Гумбольдта создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык – это не просто внешнее средство общения людей и поддержания общественных связей. Язык заложен в природе человека, необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения. Человеку необходимо связывать свое мышление с общественным.

Как ни одно понятие невозможно без языка, так без языка для нашей души не существует различных предметов и явлений. Субъективное восприятие предметов реализуется через применение языка.

Слово возникает на основе восприятия, так как представляет собой отпечаток образа предмета в нашей душе. Язык в целом выступает посредником между человеком и природой. Мир вещей человек воспринимает через мир звуков. Поскольку ощущения и действия человека зависят от его представлений, мир для человека предстает таким, каким его преподносит язык.

В. фон Гумбольдт был одним из первых лингвистов, кто обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, отмечая, что различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия. Каждый человек

имеет субъективный образ некоего предмета, который не совпадает полностью с образом того же предмета у другого человека. Объективироваться это представление может только, прокладывая себе путь через уста во внешний мир. Слово, таким образом, несет на себе груз субъективных представлений, различия которых находятся в определенных рамках, так как их носители являются членами одного и того же языкового коллектива, обладают определенным национальным характером и сознанием. По В. фон Гумбольдту, именно язык оказывает влияние на формирование системы понятий и системы ценностей. Эти его функции, а также способы образования понятий с помощью языка считаются общими для всех языков. В основе различий лежит своеобразие духовного облика народов – носителей языков, но главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, в способах выражения мыслей и чувств.

В. фон Гумбольдт рассматривает язык как «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, при этом язык фиксирует особое национальное мировоззрение. В. фон Гумбольдт акцентирует разницу между понятиями «промежуточный мир» и «картина мира». Первое – это статичный продукт языковой деятельности, определяющий восприятие действительности человеком. Единицей его является «духовный объект» – понятие. Картина мира – это подвижная, динамичная сущность, так как образуется она из языковых вмешательств в действительность. Единицей ее является речевой акт.

Таким образом, в формировании обоих понятий огромная роль принадлежит языку: язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении челове-

³ Донских О.А. Проблемы описания лингвистических концепций в их истории / О.А. Донских; отв. ред. А.Н. Кочергин // Исследовательские программы в современной науке. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 221–248.

ской личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль⁴.

Концепция В. Гумбольдта имела многих последователей и продолжателей, занимавшихся утверждением в основном идеи о влиянии языка на мышление и мировоззрение людей. Наиболее крупные языковеды и психологи с разной степенью уверенности были приверженцами этой идеи. Самыми яркими ее сторонниками в XIX веке были В.Д. Уитни, отмечавший, что каждый язык имеет свойственную только ему систему устоявшихся различий, свои способы формирования мысли, в соответствии с которыми преобразуются содержание и результаты мыслительной деятельности человека, весь запас его впечатлений, в том числе индивидуально приобретенных, его опыт и знание мира⁵.

Г. Штейнталь ставил развитие мышления в прямую зависимость от развития социальной среды, частью которой является язык. Далее эта идея развивалась в деятельности американской школы этнолингвистики, представленной работами Э. Сепира⁶, Ф. Боаса, Б. Уорфа. Ф. Боас отмечал, что особенности языка очевидным образом отражаются во взглядах и обычаях народов⁷.

Эти мысли далее были развиты в гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа. Эта гипотеза была выдвину-

⁴ Гумбольдт В.О. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 156–180.

⁵ Whitney W.D. Language and the Study of Language. – 1867.

⁶ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

⁷ Boas F. The history of anthropology // Science. – 1904. – P. 23–28.

нута в 1930-х годах Л. Уорфом на основе идей Э. Сепира. Суть ее сводится к следующему: люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир⁸.

«Мы расчленим природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном нашей языковой системой, хранящейся в нашем сознании»⁹.

Основные положения этой гипотезы: язык обуславливает тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление. Отсюда возникает вопрос: что же первично, что на что влияет – особенности восприятия и осознания окружающего мира влияют на нормы поведения или поведение личности влияет на сознание? Думается, что ответить на этот вопрос однозначно в принципе невозможно, так как данные феномены связаны отношениями двунаправленной зависимости: одно обуславливает другое и одно влияет на другое.

Гипотеза Сепира–Уорфа критиковалась многими учеными, но по существу она была попыткой разобраться в причинах языкового и этнического разнообразия на новом витке лингвистических и других научных знаний о мире. Ближе всего к этому подошел Б. Уорф, который утверждал:

⁸ Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960.

⁹ Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С. 175.

«Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем», что означает, другими словами, что наши знания о картине мира формируются относительно нашей языковой картины мира.

Наиболее видным продолжателем идей Сепира – Уорфа был немецкий ученый Лео Вайсгербер. Идея Л. Вайсгербера выражала неогумбольдтианскую позицию и построена на идее языкового познания мира. По его мнению, все действительное бытие определяется языковым бытием и становится духовным миром человека. Язык имеет огромное влияние на формирование духа народа, образуя «промежуточный мир» между сознанием и действительностью¹⁰.

Главной вдохновительницей Л. Вайсгербера (1899–1985) была идея идиоэтничности языкового содержания, которую он нашел в учении В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. На его основе он и построил свою теорию языковой картины мира (Weltbild der Sprache), которая является подчеркнуто словоцентрической. «Словарный запас конкретного языка, – писал Л. Вайсгербер, – включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содер-

жит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества». Таким образом, Лео Вайсгербер подчеркивает мировоззренческую, субъективно-национальную, идиоэтническую сторону языковой картины мира, истекающую из факта, что в каждом языке представлена особая точка зрения на мир – та точка зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык. Сам же мир остается в тени этой точки зрения.

Научная эволюция Л. Вайсгербера в отношении концепции языковой картины мира шла в направлении от указания на ее объективно-универсальную основу к подчеркиванию ее субъективно-национальной природы. Место мира в его научном сознании все больше занимала точка зрения на мир. Чем в большей степени оставляя Л. Вайсгербер объективный фактор формирования языковой картины мира – внешний мир, тем больше он превращал язык в некое демипурга, который сам создает мир. В решении вопроса о соотношении научной и языковой картин мира Л. Вайсгербер не доходил до их отождествления, но вместе с тем он не мог и здесь отказаться от своей излюбленной идеи о том, что в родном языке заложена сила, которая самым существенным образом воздействует на человеческое сознание во всех сферах духовной культуры – в том числе и области науки¹¹.

Чтобы облегчить понимание вопроса о влиянии языка на науку, Л. Вайсгерберу необходимо было их сблизить, показать, что разница между ними не столь велика, как может показаться на первый взгляд неискушенному человеку. Научная картина мира, по его мнению, отличается от языковой в первую очередь степенью универсальности и идиоэтничности.

¹⁰ Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М., 1993.

¹¹ Там же.

Наука стремится к универсальности, поскольку имеет своей высшей целью объективную истину, а она должна быть полностью очищена от каких-либо субъективных (в том числе и национальных) примесей. Конкретный же язык всегда, напротив, обречен на идиоэтноизм, поскольку он не в состоянии освободиться от своих субъективно национальных рамок. Чтобы сблизить науку и язык, следовательно, надо либо добавить универсальности в язык, либо уменьшить ее в науке. Первый путь был для Л. Вайсгербера неприемлем, поскольку он противоречил его идиоэтническим убеждениям. Он выбрал второй, пытаясь развеять «предубеждение» о том, что наука свободна от идиоэтноизма и что в ней господствует универсальное. Он писал о научном познании: «Универсально оно в том смысле, что оно не зависит от пространственных и временных случайностей и что его результаты в том смысле адекватны структуре человеческого духа, что все люди вынуждены признать определенный ход научного размышления. Такова цель, к которой наука стремится, но которая нигде не достигнута». Быть до конца универсальной науке мешает «связь науки с предпосылками и сообществами, не имеющими общечеловеческого масштаба». Именно эта связь и «влечет за собой соответствующие ограничения истинности».

Таким образом, если бы люди были лишены своих этнических и индивидуальных особенностей, то они сумели бы добраться до истины, а поскольку они не имеют этой возможности, то полной универсальности они никогда не смогут достичь. Казалось бы, из этих размышлений Л. Вайсгербера должен был следовать вывод о том, что люди (и в особенности ученые), по крайней мере, должны стремиться к освобождению

своего сознания от субъективизма, проистекающего из их индивидуальности, и в частности от идиоэтнических уз своего родного языка.

По мнению Л. Вайсгербера, попытки людей освободиться от власти родного языка всегда обречены на провал. В этом состоял главный постулат его философии языка. Объективный (безъязыковой, невербальный) путь познания он не признавал. Отсюда следовало и его решение вопроса о соотношении науки и языка: если от влияния языка наука освободиться не в состоянии, то надо превратить язык в ее союзника.

Доказательства этому мы находим в его статье, посвященной обонянию в языке, где он проанализировал два лексических поля немецкого языка – обоняния и вкуса. Оказалось, что последнее представлено лишь четырьмя основными наименованиями: bitter, salzig, sauer, süss (горький, соленый, кислый, сладкий), тогда как поле обоняния оказалось намного представительнее. Этот факт Л. Вайсгербер использовал в качестве доказательства влияния языка на науку. Ограниченность наименований для обозначения вкусовых ощущений, с точки зрения Л. Вайсгербера, отразилась и на соответствующей области науки, изучающей эти виды ощущений: она оказалась в плачевном состоянии, но, как ни странно, не лучше обстояло дело и с исследованием различных видов запахов¹².

Здесь Л. Вайсгербер и рекомендовал науке прибегнуть к помощи языка. При этом ученый советовал: чтобы дать по возможности полную классификацию запахов, необходимо обнаруживать их обозначения не только в литературном языке, но

¹² Weisgerber L. Der Geruchsinn in unseren Sprachen. – 1928.

и диалектах, жаргонной речи торговцев вином, табаком, чаем, парфюмеров, дегустаторов и т. д.

Таким образом, Л. Вайсгербер предлагал строить научную картину мира исходя из языковой картины мира. Однако он признавал лишь частичное подчинение науки языку – только там, где научная картина мира отстает от языковой. Логика Л. Вайсгербера всегда опиралась на понимание языка как промежуточного мира (*zwischenwelt*) между человеком и внешним миром. Под человеком здесь надо понимать и ученого, который, как и все прочие, не в состоянии в своей исследовательской деятельности освободиться от уз, налагаемых на него картиной мира, заключенной в его родном языке. Он обречен видеть мир сквозь призму родного языка. Он обречен исследовать предмет по тем направлениям, которые ему подсказывает его родной язык. При этом Л. Вайсгербер признавал относительную свободу человеческого сознания от языковой картины мира, говоря, что в ее рамках мы можем позволить себе некоторый «маневр», который и делает нас индивидуальностями¹³.

Концепция языковой картины мира Л. Вайсгербера является словоцентрической, и выглядит ее образ по преимуществу как система лексических полей. Именно в лексической системе языка легче, чем в других, обнаружить «мировоззренческую» природу ЯКМ. Рассмотрим один из лексических примеров исследователя.

В немецком языке есть слова *kraut* (полезная трава) и *unkraut* (сорняк). С объективной точки зрения, рассуждал ученый, в природе не существует полезных и вредных трав. Язык же зафиксировал здесь точку зрения немецкого народа на мир. Каж-

дый немецкий ребенок потому должен принять эту антропоцентрическую точку зрения на травы, что она навязывается ему его родным языком, когда он усваивал его от старших.

По Л. Вайсгерберу подобным образом дело обстоит и со всеми другими классификациями, которые имеются в картине мира того или иного языка. Именно они, в конечном счете, и задают человеку ту картину мира, которая заключена в его родном языке. Эта картина мира может существенно отличаться от научной. Вот поэтому несовпадения, например, языковой картины мира в области классификации растений и соответствующей ботанической классификации. Л. Вайсгербер писал, что языковая картина мира совершенно не совпадает с «ботанической», и многие из необходимейших языковых средств вообще нельзя обосновать или оправдать «ботанически».

Возникает вопрос, почему же автор этих строк стремился к сближению языковой картины мира с научной. Почему автор рекомендовал ученым искать классификацию запахов не в сфере их восприятия как такового, а в лексическом поле обоняния, имеющемся в немецком языке? Это не логично, если, как он сам утверждал в статье о травах, языковая картина мира и научная могут очень сильно отличаться друг от друга. Очевидно, свою задачу он видел не в том, чтобы своим трудом способствовать преодолению в сознании людей их языковых картин мира и их вытеснению научной картины мира. Напротив, всю свою жизнь он стремился показать непреодолимую силу языковой картины мира на сознание ее носителей. М. Хайдеггер отмечает, что в философии существует область, связанная с разработкой общей онтологической картины мира, которая лежит в основе

¹³ Вайсгербер Л. Указ. соч.

конкретных наук, является наукой сама по себе¹⁴. Науки описывают как бы локальные картины мира по сравнению с общефилософским представлением его в целом. Полная картина может быть представлена лишь в философии. Философия мыслит о смысле, который делает вещь именно таковой, какая она есть. Философия не стремится овладеть бытием, она направлена на постижение его смыслов

Понятно, как указывает Хайдеггер, что там, где мир не может войти в картину, не может быть и картины мира. Вот почему и в каком смысле нельзя говорить об античной или средневековой картинах мира. Культуры Античности и Средневековья никогда не воспринимали и не могли воспринять мир как нечто им противоположное или выставленное перед ними, а уж тем более ставшее сферой их компетенции и распоряжения. Там, где индивид или сообщество воспринимают себя как часть некоторого целого, там нет и не может быть противопоставленности себя миру, а значит, не может быть и картины мира.

Исходя из анализа вышеизложенного материала, можно зафиксировать понятие «языковая картина мира» в следующих положениях.

- Языковая картина мира – система способов восприятия и отражения действительности посредством создания однородной языковой общности.

- Языковая картина мира – система национально-обусловленных представлений об окружающем мире, отраженных в языке.

- Языковая картина мира – система факторов из различных сфер человеческого сознания (научной, мифологической, рели-

гиозной, философской), характерного для конкретной языковой общности и вербализированного в языковых структурах с учетом общественно-исторического опыта.

Литература

Вайсгербер А. Родной язык и формирование духа: пер. с нем. / Йохан Лео Вайсгербер. – М.: Просвещение, 1993. – 267 с.

Гумбольдт В.О. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 156–180.

Донских О.А. Проблемы описания лингвистических концепций в их истории / О.А. Донских; отв. ред. А.Н. Кочергин // Исследовательские программы в современной науке. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 221–248.

Потебня А.А. Мысль и язык. 4-е изд. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1922. – 185 с.

Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С. 135–198.

Steinthal H. Abriss der Sprachwissenschaft. Vol. I: Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft). – Berlin, 1871.

Boas F. The history of anthropology // Science. – 1904. – P. 23–28.

Heidegger M. Sein und Zeit. – Tubingen, 1957.

Weisgerber L. Der Geruchsinn in unseren Sprachen. – 1928.

Whitney W.D. Language and the Study of Language. – 1867.

Wolters A. Weltanschauung in the history of ideas: preliminary notes. Unpublished paper.

Wolters A. The idea of worldview and its relation to philosophy. – 1983. – P. 14–25.

¹⁴ Heidegger M. Sein und Zeit. – Tubingen, 1957.